

На предложение двоюродной бабушки отец Цзян не согласился. Он сказал, что его жизнь уже сложилась, и трое детей — это всё, что у него есть. Он не сможет жить, если откажется от кого-то из них. Сколько сможет работать, столько и будет растить Цзян Сяоэра. А когда сил совсем не останется, если Цзян Сяоэр будет всё ещё один, он заберёт его с собой, умирая, чтобы не обременять других. Пока в ребёнке теплится хоть искра жизни, он не сдастся.

Позже Цзян Сяоэр понемногу подрос. Он был похож на отца, очень милый: большие глаза, ямочки на щеках и два оттопыренных ушка. Хоть и слаб здоровьем, но был очень живым и всем улыбался.

В последние два года Цзян Сяоэр захотел научиться шить и часто ходил к двоюродной бабушке. Они много времени проводили вместе, и бабушка знала, какой он послушный и добрый. Иногда, глядя на него, она жалела о своих словах.

Но она никогда не питала иллюзий, что Цзян Сяоэр сможет вырасти здоровым и дожить до старости. Она всегда думала, что со своим возрастом уйдёт раньше него.

И вот теперь с Цзян Сяоэром случилась такая беда. Если ей, седовласой, придётся хоронить молодого, как она это вынесет?

Она вытирала слёзы и сказала своему сыну Цзян Даню:

— Сходи к дому твоего третьего дяди, зажги благовония для твоих маленьких дедушек и попроси их присмотреть за твоим шестым братом. Скажи им, пусть оставят его с нами ещё на несколько лет. Он ещё маленький, пусть не торопятся забирать его.

Цзян Даню понуро кивнул:

— Понял.

Видимо, из-за случившегося, младшие дети в доме притихли. Видя, что Цзян Сяосань всё время плачет, они пытались его развеселить, но тот лишь обнимал Бай Цзыму и молчал, словно онемел.

Вечером Цзян Сяосань не захотел оставаться в доме старшей ветви семьи. Он боялся, что если Цзян Сяои вернётся, а его не будет дома, он этого не узнает, и упорно хотел вернуться. Жена старшего дяди ничего не могла поделать и проводила его.

Когда Цзян Сяосань и Бай Цзыму легли спать, она закрыла ворота во двор и собралась уходить.

— Невестка.

Старший дядя Цзян, жена второго дяди и Цзян Сяои подошли сзади.

— Как вы вернулись? — вечером сын старосты, Чжоу Тешэн, уже вернулся на воловьей повозке. Жена старшего дяди и двоюродная бабушка очень волновались и побежали спросить его, как там Цзян Сяоэр и что сказал врач.

Чжоу Тешэн только довёз Цзян Сяоэра до лечебницы. Доктор Цзян, увидев, в каком тот состоянии, велел аптечному ученику немедленно унести его в комнату. Прошло много времени, а они так и не вышли. Повозку нельзя было надолго оставлять у лечебницы, поэтому Чжоу Тешэн вернулся. Жена старшего дяди ничего толком не узнала. Сейчас, не увидев Цзян Сяоэра, она заглянула им за спины.

— Сяоэр где? Почему вы только вдвоём вернулись?

Цзян Сяои всю дорогу молчал. Старший дядя знал, как ему тяжело, и ответил за него:

— Сяоэр ещё в городе.

Жена старшего дяди встревожилась:

— Тогда почему вы вернулись? Как он? Что сказал врач?

— Хорошо, что вовремя привезли, иначе... — старший дядя помолчал, потом вздохнул и глухо продолжил: — В этот раз он серьёзно пострадал. Доктор Цзян сказал, что нужно оставить его в лечебнице на несколько дней под наблюдением. Если за это время он перестанет кашлять кровью, то ничего страшного. Третий брат остался там. Он сказал, что справится один, и велел нам возвращаться.

В лечебнице спать негде, а Цзян Сяосань один дома — отец Цзян за него очень беспокоился. Цзян Сяои был не в себе, поэтому отец велел ему вернуться и отдохнуть.

Жена старшего дяди замолчала, вытерла слёзы и снова открыла ворота во двор:

— Невестка, в доме осталась еда. Поешь и принеси ещё. Сяои, заходи.

Цзян Сяосань уже свернулся в кровати, обнимая Бай Цзыму, и спал. Видимо, днём он много плакал, потому что даже сейчас время от времени всхлипывал, а на щеках не высохли слёзы.

Цзян Сяои пошёл на кухню, взял полотенце, вытер ему лицо, похлопал по спине. Когда тот

заснул крепче, он перевернул Бай Цыму и внимательно осмотрел его шерсть, пытаясь понять, не ранен ли он. Удар госпожи Хуан пришёлся в живот — это была внутренняя травма, снаружи ничего не видно. Цзян Сяои вздохнул с облегчением.

Жена старшего дяди тихо сказала:

— Сяои, пойдём во двор, посидим. Мне нужно тебе кое-что сказать.

— Ты эти дни был занят, наверное, ещё не знаешь...

Жена старшего дяди рассказала ему о случившемся с семьёй Лю и о слухах.

— Сяои, это я во всём виновата.

Она чувствовала себя виноватой. Если бы она тогда не обмолвилась, возможно, ничего бы не произошло. Теперь слухи ходили самые ужасные. Цзян Сяои и так был в возрасте, ему было трудно найти пару, а теперь, после таких разговоров... боюсь, будет ещё сложнее.

Цзян Сяои опустил глаза.

— Вы не виноваты. — Его голос был тихим. — Всё это — судьба.

Жена старшего дяди помолчала. Цзян Сяои сидел на пороге, не говоря ни слова, слегка ссутулившись. Она знала, что в такой момент все его мысли были с Цзян Сяоэром. Она достала из кармана кошелёк.

— Это компенсация от семьи Хуан.

Цзян Сяои посмотрел на неё.

Жена старшего дяди сказала:

— В случившемся с Сяоэром виновата та женщина из семьи Хуан. Староста решил, что они должны заплатить компенсацию. Возьми, завтра отвезёшь отцу.

Кошелёк был пухлым и тяжёлым, в нём было, должно быть, несколько сотен вэней. Цзян Сяоэру как раз нужны были деньги на лечение... Рука Цзян Сяои, державшая кошелёк, сжалась так, что побелели костяшки. В горле у него застрял ком.

— Тётушка...

— Я знаю, ты винишь себя, беспокоишься за Сяоэра и переживаешь, что нет денег. Тебе тяжело, — жена старшего дяди похлопала его по руке, сочувственно говоря. — Но некоторые вещи, как ты и сказал, — это судьба, от неё не уйдёшь. Семья Хуан тоже не богата. Староста и несколько старших из твоего рода надавили на них, и только тогда они согласились заплатить эти пятьсот вэней. Не знаю, хватит ли, но Сяоэра мы будем лечить, пока есть возможность.

Цзян Сяои кивнул. Все в деревне были бедны, каждая медная монета была на вес золота. Семья Хуан была не из зажиточных, примерно наравне с семьёй Цянь. Он знал, что получить от них пятьсот вэней было очень непросто.

Действительно, непросто. Днём семья Хуан ни в какую не хотела платить. Они твердили, что это Цзян Сяоэр первым опрокинул её корзину, и она разозлилась и ударила его, так что винить её не в чем.

Староста холодно посмотрел на неё и спросил только, почему Цзян Сяоэр не опрокинул чью-то другую корзину, а именно её.

Госпожа Хуан замаялась, пытаясь увести разговор в сторону.

Староста хмыкнул:

— Отвечай, не увиливай. Я спрашиваю, почему Цзян Сяоэр опрокинул твою корзину.

Староста, нахмурившись, выглядел очень грозно. В деревне он был, так сказать, «чиновником», и все его побаивались.

— Я... я... — госпожа Хуан не смела лгать и тихо сказала: — Я немного повздорила с его старшим братом. Но, староста, это Цзян Сяои, этот бесстыдник, первым как сумасшедший на нас набросился! Он нас бил, а мы что, должны были стоять и терпеть?

— Именно, — поддакнула госпожа Фэн, которую поддерживали две её невестки.

— Заткнись, — лицо старосты побагровело, он гневно посмотрел на неё. — Почему Цзян Сяои вас бил? Вы сами прекрасно знаете. Не думайте, что я не в курсе, как вы в последнее время за его спиной сплетничаете, распускаете слухи. За такое не бить надо?

Староста уже знал, что произошло. Характер Цзян Сяои он тоже понимал. Если бы госпожа Хуан и остальные, будучи пойманными с поличным, угомонились, Цзян Сяои никогда бы не поднял руку. Но эти женщины не только не признавали свою вину, но ещё и считали себя правыми и говорили такое в его присутствии. Если бы Цзян Сяои остался безучастным, он был бы либо трусом, либо совершенно бесчувственным человеком.

Госпожа Хуан хлопнула себя по бёдрам.

— Ох, староста! Нельзя же так заступаться за семью Цзян! Что значит, мы распускаем слухи...

— Ты ещё говоришь! — резко оборвал её староста. Он вспомнил своего брата, который ушёл таким молодым, а теперь его внуков так обижают. Гнев душил его. Мужчины из семьи Хуан, пришедшие позже, молчали, позволяя госпоже Хуан скандалить. Их позиция была ясна — они не хотели брать на себя ответственность. Раз так, староста решил не щадить их репутацию.

— Вы всё время попрекаете Хуан Сюлянь. Но, женщина из семьи Хуан, ты, кажется, забыла, кем была мать твоего мужа. Раз уж ты так говоришь о гэ'эре Цзян, называя его мать потаскухой, то что тогда твоя семья? Притон, что ли?

Кто-то в толпе прыснул со смеху.

Мужчины из семьи Хуан не ожидали, что он поднимет эту тему, и их лица мгновенно вспыхнули от стыда, они не могли поднять головы.

Свекровь госпожи Хуан, Хун-нян, когда-то пришла с севера как беженка. Она добралась до деревни Сяошань с большим животом. Жители деревни спрашивали её, где её муж. Хун-нян солгала, сказав, что её муж погиб в дороге. Старый староста пожалел её и позволил остаться в деревне. Через полмесяца в деревню пришли другие беженцы. Они узнали Хун-нян, и только тогда жители деревни поняли, что она никогда не была замужем, а ребёнок в её животе — незаконнорожденный.

Хун-нян, не имея другого выхода и боясь, что её прогонят, рассказала правду. Она сказала, что в пути её семья «продавала» её мужчинам в обмен на еду. От кого ребёнок, она и сама не знала. В конце концов, не выдержав, она сбежала.

Жители деревни, узнав об этом, разделились во мнениях. Одни, считая её грязной, хотели прогнать из деревни. Другие жалели её. Но большинство жителей деревни были простыми и добрыми. Куда ей было идти в таком положении, одинокой и беззащитной? В итоге старый староста, посоветовавшись с жителями, разрешил ей остаться.

Хун-нян родила мёртвого ребёнка, а позже вышла замуж за вдовца из деревни и родила нескольких сыновей, мужчин семьи Хуан.

Прошло несколько десятков лет, и старики, знавшие эту историю, почти все умерли. Оставшиеся слышали об этом лишь в детстве. Если бы староста не упомянул, все бы почти забыли.

Семья Хуан и семья Цзян были, как говорится, одного поля ягоды. Госпожа Хуан не имела права так говорить о Цзян Сяои.

Вокруг продолжали смеяться. Госпожа Хуан видела, как молодые невестки показывают на неё

пальцем и шепчутся. Её лицо горело. Её муж, чувствуя себя опозоренным, подбежал и влепил ей пощёчину.

— Ты, болтунья, а ну живо домой!

Госпожа Хуан, не выдержав позора, развернулась, чтобы уйти, но жена старшего дяди преградила ей путь.

Староста сказал, что Цзян Сяоэр из-за побоев наверняка проведёт в лечебнице несколько дней, а это не бесплатно. Он велел семье Хуан заплатить компенсацию. Семья Хуан, конечно, не хотела, а госпожа Хуан и вовсе легла на землю и начала кататься с криками. В итоге староста позвал главу рода и сказал, что если не заплатят, их выгонят из деревни.

Семье Хуан ничего не оставалось, как скрепя сердце заплатить пятьсот вэней.

Жена старшего дяди добавила:

— Мужчины из семьи Хуан все вспыльчивые. Думаю, госпоже Хуан дома достанется.

Что до госпожи Фэн и остальных, их побили за сплетни, и это было справедливо. Староста их отчитал, и они больше не смели приставать к Цзян Сяои.

Когда Цзян Сяои возвращался домой и проходил мимо двора семьи Хуан, он издали слышал плач госпожи Хуан. Сначала он подумал, что она плачет из-за своей корзины с бобами, но теперь, похоже, было так, как сказала жена старшего дяди, — ей досталось от мужа.

Ведь пятьсот вэней — это не маленькая сумма. Мужчинам из семьи Хуан нужно было много работать, чтобы заработать столько. Но не заплатить они не могли, ведь староста уже вынес решение. Муж госпожи Хуан был в ярости и, вернувшись домой, не сдержался и избил её.

В доме семьи Хуан было шумно, и они до сих пор не успокоились.

Жена второго дяди принесла еду, утешила Цзян Сяои парой слов, велела ему поесть, пока горячее, и не думать о плохом, а затем ушла вместе с женой старшего дяди.

На кухне было тихо. Бай Цзыму открыл глаза. Он и не спал. Удар, который он получил сегодня, привёл его в ярость.

Как маленький наследный принц секты Цинмин, никто, кроме Цзян Сяои, никогда не смел так с ним обращаться. Даже когда он ленился и не совершенствовался, притворяясь, что находится в уединении, а на самом деле спал, его мастер, хоть и злился, только ворчал и пугал его, что не даст бамбука и заморит голодом. Но стоило ему притвориться милым и попросить есть, как

мастер сдавался.

Потому что он знал, что панды большую часть времени либо едят бамбук, либо спят. Эти два занятия занимали большую часть их дня. К тому же, большим пандам нужно спать от 12 до 16 часов в день, что означает, что они много отдыхают. Эта привычка, вероятно, обусловлена генетикой.

Короче говоря, такова их природа. Как говорится, природу трудно изменить. После еды панда хочет спать, так же как человек, задыхаясь, инстинктивно ищет кислород. Это абсолютно сознательное действие. Чтобы противостоять природе, нужна железная воля.

Мастер и старший брат-ученик обожали его. За триста лет они и пальцем его не тронули. А эта старая ведьма посмела его пнуть. Она была первой.

Живот тупо болел. Бай Цзыму впервые не хотел спать. Как говорится, гору можно сдвинуть, а характер не изменить. Раньше для него не было ничего важнее сна. Поэтому за триста лет он ни разу добровольно не совершенствовался, даже когда мастер жужжал ему в уши до звона. Он всё равно не мог удержаться от желания вздремнуть.

Но чтобы заставить его проявить инициативу, на самом деле нужен был всего один пинок.

Сейчас Бай Цзыму думал только о том, чтобы как можно скорее начать совершенствоваться, чтобы поскорее принять человеческий облик и отомстить.

<http://bllate.org/book/13701/1586291>